

Главную причину неудачи континентальной системы следует искать в экономической отсталости Европы, которая еще не вышла из земледельческого периода, тогда как Англия давно уже перешла к капиталистическому производству. Европа сбывала сырье Англии, а от нее получала всевозможные изделия.

Через 10–15 лет Европа приспособилась бы и развила внутри себя обрабатывающую промышленность, но Англия ценою огромных жертвований, рискуя полным банкротством, напрягла все силы страны для борьбы с могущественным и гениальным врагом своим — Наполеоном, и он пал, сломленный невозможностью добиться в Европе единства политики, требовавшей жертв в настоящем, но сулившей неисчислимые выгоды в будущем.

Англия победила. За нею осталось мировое владычество над морями и в цепких руках ее снова сосредоточилась вся внешняя торговля Европы, которая терпела денежную зависимость от островной державы, а нередко должна была считаться с ее желаниями и в международной политике на континенте. Выгоды этой политической конъюнктуры впоследствии испытала на себе тогдашняя союзница Англии — Россия: в эпоху Севастополя, в кампанию 1877–1878 гг. и в последнюю русско-японскую войну.

Бонапарт и русские пленные.

Эпизод из истории франко-русских отношений в конце XVIII и нач. XIX века

Император Павел приказал своим послам в Вене и Берлине совсем не иметь никаких сношений с французским правительством и, в случае письменных обращений, не отвечать вовсе. Понятно при этом, как относились в Петербурге к «генералу-от-революции» — Бонапарту. Это имя произносилось с оглядкой и шепотом, и далеко не всякий царедворец решился бы его помянуть в присутствии императора. Казалось бы, при этих условиях, о возможности сближения не могло быть и речи и, однако, оно произошло при обстоятельствах, заставивших Павла I резко переменить свой взгляд на Бонапарта. Не случись рокового 11-го марта 1801 г., проживи император еще несколько лет — трудно сказать, в какую форму вылились бы франко-русские сношения, но возможно, что они повлекли бы за собою полную перемену внешней политики России, и соотношение сил европейских держав было бы совсем иным. Кто знает, раздался ли бы тогда гром бородинских пушек, или орлы непобедимых

французских легионов соединились с двуглавыми русскими орлами, владычествуя над всей Европой...

Внимательное изучение личностей Павла I и Наполеона значительно уничтожает ту противоположность целей и намерений, которая, по-видимому, существовала между императором-рыцарем, мечтавшим о восстановлении славы древнего Мальтийского ордена, и гениальным сыном революции, игравшим ее символами для приобретения популярности, которая должна была привести его к престолу.

Конечно, между ними было коренное различие, заключавшееся, прежде всего, в том, что Павел I был глубоко искренен в своих увлечениях рыцарством, а Бонапарт, восстанавливая на развалинах старой монархии новую, пользовался внешним благородством поступков, внешним блеском слов и дел, обаянием рыцарских чувств, — как ловкий дипломат, в душе презиравший людей и не верящий ни во что, кроме личного счастья и умения играть на инстинктах толпы и на чувствах ближнего.

Но именно с внешней стороны первый консул уже перешел тогда к старым символам власти, и из-под его республиканской маски уже проглядывали суровые и гордые черты самовластного владыки. И весьма возможно, что сближение его с Павлом I — дело далеко не случайное, как нам кажется теперь, а указывающее на провидение русским императором дальнейших событий. Пока Европа воевала с революционной Францией, — это была идейная борьба за монархический принцип. Священный союз против Французской империи уже не имел принципиального оправдания, а являлся лишь актом самосохранения старых монархий, опасавшихся мощного соседа и дальнейшего усиления его власти. России в этой борьбе, затрагивавшей по преимуществу интересы германского мира, быть может, и не было основания принимать участия.

Лучшим доказательством справедливости такой точки зрения служит участие в европейском походе против Наполеона Англии, которая, конечно, вовсе не была заинтересована в поддержании старых континентальных монархий, а почуяв огромную грядущую силу новой Империи, всячески старалась ее ослабить из чисто личных интересов. Совместная деятельность России и Англии против французов едва ли являлась актом политической мудрости. Вот почему кажущийся характер случайности в поступках Павла I и крутой поворот его в сторону симпатий к Бонапарту, при внимательном обсуждении, свидетельствует, быть может, о плане, строго обдуманном и имевшем полное оправдание в действительном соотношении сил Европы в том положении, которое занимали среди них с одной стороны Франция, с другой — Россия.

По окончании итальянского похода 1799 г., Павел I и слышать не хотел о каких-либо сношениях с Францией. Она была объявлена в Петербурге, как теперь принято выражаться, под полным бойкотом. Но несомненно, что император в то же время уже значительно охладел

к своим союзникам, а угроза занятия Мальты англичанами задевала его, как гроттмейстера, и болезненно отзывалась на тех чувствах, которые он питал к этому древнейшему рыцарскому ордену.

После поражения корпуса Римского-Корсакова под Цюрихом в руки французов досталось около 7000 русских пленных, преимущественно раненых и больных, которые отправлены были во Францию. Их теперь, казалось, забыли, и они сами не знали, какая участь их ожидает. Мы не имеем до сих пор подробных сведений об их образе жизни, но, по-видимому, плен этот не был тягостен, и на русских не отразилась враждебно политика их родины по отношению к Франции, в которую волею судьбы заброшены были наши солдаты и офицеры. Напротив, все заставляет думать, что первый консул оказывал им должное уважение и даже особенно подчеркивал признание доблести русского оружия. Воюя с Европой, Бонапарт, по-видимому, не желал ссориться с Россией, даже искал случая сблизиться с нею. Пленные наши пользовались значительной свободой, хорошим содержанием и к просьбам их генерал Бонапарт относился с полным вниманием. По этому поводу сохранился* даже крайне любопытный документ — письмо двух русских пленных офицеров на имя первого консула с просьбой разрешить им право ношения оружия. Письмо это, помеченное 1799 г., является несомненным доказательством забот французского правительства о русских пленных.

Вот этот интересный документ во французском подлиннике и в переводе:

— Général Consul! Les soussignés officiers russes, prisonniers de guerre, sensibles à la manière dont ils sont traités, prennent la liberté de vous en témoigner leur gratitude. Il vous appartenait, général, d'adoucir leur sort et d'attacher au char de votre gloire le triomphe de l'humanité. Daignez recevoir l'expression de leur plus sincère reconnaissance d'autant plus justifiée qu'ils osent solliciter et attendre de votre bienveillance le port d'armes qui doit toujours distinguer des officiers qui n'ont jamais dévié des principes de l'honneur dont ils font profession. Salut et respect. (Signé) Zaleskii, capitaine. Kourdumoff, lieutenant.

(«Генерал, первый консул! Нижеподписавшиеся военнопленные русские офицеры, тронутые тем обращением, которое они испытывают в плену, берут смелость выразить вам свои чувства признательности. Вы, генерал, облегчили их участь, и этим присоединили к победоносной колеснице вашей славы торжество человеколюбия. Примите выражение самой искренней их признательности, тем более справедливой, что они

* Письмо это и ответ на него (в копиях) находятся в числе некоторых бумаг гр. Беннингсена, хранящихся в Военно-ученом архиве Главного Штаба в особой связке, носящей заглавие «*“Differens papier” touchant la campagne de 1799 en Suisse et en Italie*». — К.В.

решаются прибегнуть к вашей благосклонности и ожидать благоприятного разрешения на право ношения оружия, каковое всегда являлось отличием звания офицеров, никогда не нарушавших правил чести, служителями коей они являются. (Подписали) Капитан Залесский. Поручик Курдюмов»).

Первый консул сочувственно отнесся к просьбе русских офицеров и поручил генералу Мортье* дать им следующий ответ:

«Le Premier Consul, messieurs, se plaît à honorer le courage et la loyauté parmi les militaires de votre nation, comme il aime à faire pratiquer ces vertus chez les français; et confiant aux sentimens dont vous lui donnez l'assurance, il vous accorde le port d'armes que vous lui demandez. J'ai l'honneur de vous saluer. (Signé) Edouard Mortier».

(«Господа! Первый консул всегда почитал отвагу и доблесть воинов вашего народа, а также поощрял эти добродетели у французов. Убежденный в чувствах, в коих вы его заверяете, он разрешает вам просимое вами право ношения оружия. Приветствую вас. (Подписал) Эдуард Мортье».)

Любезность Бонапарта по отношению к русским не ограничилась этим частным случаем. Отсутствие всяких сношений с Французской республикой создало весьма странное положение для русских пленных и судьба их оказалась в руках случая, так как для обмена их у России не было пленных французов, которых во время войны отправляли в Австрию. Между тем, при тогдашнем положении французских финансов, содержание около 7000 русских пленных ложилось значительной тяжестью на бюджет республики. Войнам с Европою не предвиделось конца, а постоянные походы поглощали огромные денежные средства. Правительственная касса, несмотря на колоссальные реквизиции, практиковавшиеся во время итальянского похода, была далеко не в блестящем положении. При этих условиях первою мыслью Бонапарта было предложение Австрии и Англии, у которых имелось известное количество пленных французов, — обменять их на русских, находившихся во Франции. Предложение это было вполне естественно, так как обе названные державы, находясь в союзе с Россией, могли, казалось бы, оказать эту услугу своей союзнице, войска которой служили интересам английской и австрийской политики. Но здесь повторилось то, что мы наблюдаем и впоследствии, в течение всей борьбы Священного союза с Наполеоном: Россия оказывает совершенно бескорыстно помощь Европе, часто терпит большие уроны и взамен — встречает весьма двусмысленную политику и холодный эгоистический расчет.

Англия и Австрия наотрез отказались от обмена русских пленных на своих французских.

* Впоследствии маршал и герцог Тревизский. — К.В.

Тогда у первого консула явилась удачная идея возвратить русских пленнх императору Павлу *без всяких условий* и использовать этот инцидент в интересах сближения Франции с Россией. Притом же этот, по выражению Тьера, акт мудрого великодушия (*acte de générosité habile*), немного стоивший Франции, мог доставить ей огромные выгоды. Поведение в этом деле союзниц России должно вызвать неудовольствие в Петербурге, а отпуск пленнх еще сильнее подчеркнет в глазах русского императора политику Австрии и Англии и может даже обратить его симпатии в сторону Франции.

Задавшись этою целью, первый консул начал действовать с своей обычной решительностью и энергией. Возвращение русских пленнх облечено было в такую форму, которая несомненно должна была произвести впечатление на рыцарскую натуру Павла. *Все пленные, по распоряжению первого консула, были одеты, за счет французского правительства, в новые мундиры русского образца, офицерам и даже солдатам возвращено оружие и, в довершение всего, русским войскам возвращены взятые у них знамена.*

Вместе с тем Бонапарт поручил Талейрану написать письмо русскому министру Иностранных дел, графу Н. П. Панину*, в котором французский министр сообщал, что так как Англия и Австрия не захотели доставить свободу солдатам русского царя, которые сделались пленниками, защищая интересы этих держав, то первый консул, не желая лишать этих храбрецов их родины, возвращает их русскому императору, без всяких условий, как дань его уважения к русской армии, которую французы научились уважать на поле битвы.

Вот, что Талейран писал Панину:

«Monsieur le Comte! Le Premier Consul de la République française n'a rien ignoré de toutes les circonstances de la campagne qui a précédé son retour en Europe. Il sait que c'est au concours des troupes russes que les Anglais et les Autrichiens ont dû tous leurs succès, et comme il honore le courage, comme il n'a rien plus à cœur que de témoigner son estime à de braves troupes, il avait été empressé de faire proposer aux commissaires chargés par l'Angleterre et l'Autriche de l'échange des prisonniers — que les Russes qui se trouvent en France fussent compris dans cet échange et obtenissent même quelque préférence en raison en ce qu'étant moins acclimatés dans le pays, le séjour pouvait leur en être plus nuisible.

Cependant cette proposition quoique si naturelle et réitérée plusieurs fois est restée sans effet. Les Anglais eux-mêmes qui ne peuvent se dissimuler que c'est aux Russes qu'ils doivent et leurs premiers succès et les fruits

* Письмо Талейрана Панину от 1 Термидора IX года (9-го (20-го) июля 1800 г.).

qu'ils en ont exclusivement recueillis* et la sécurité de leur retraite (*car sans les Russes pas un Anglais n'aurait pu se rembarquer*), les Anglais disent, quoiqu'ils aient en ce moment chez eux vingt mille prisonniers français, ne se sont pas montrés disposés à opérer l'échange des Russes.

Frappé de cette injustice et ne voulant pas laisser dans une plus longue détention de si braves troupes que de perfides alliés abandonnent après les avoir compromises, le Premier Consul a ordonné que tous les Russes qui se trouvent prisonniers en France, au nombre d'environ sept milles, retourneraient en Russie sans échange et avec tous les honneurs de la guerre. A cet effet ils seront habillés à neuf, rearmés et leurs drapeaux leur seront restitués.

S. M. I. de toutes les Russies jugera s'il Lui convient d'exiger que l'Angleterre fasse repasser en France un pareil nombre de prisonniers français, mais l'intention du Premier Consul n'est que de témoigner, d'une façon toute particulière, son estime pour les armées russes et le désir qu'il a de faire quelque chose qui soit agréable à S. M. I. de Russie.

Il sera seulement nécessaire, M-r le Comte, que votre Excellence veuille bien me faire connaître quelle route S. M. I. désire que ses troupes prennent et suivent pour retourner dans Son Empire, et je dois prier V. Exc. de m'adresser sa réponse assez à temps pour que les troupes de S. M. I. puissent se mettre en route avant l'arrière-saison.

*Recevez. M-r le Comte, etc. (Signé) Ch. Maurice Talleyrand.
1 Thermidor, An IX.»*

(«Милостивый государь! Первый консул Французской республики был вполне осведомлен об обстоятельствах кампании, предшествовавшей его возвращению в Европу. Ему известно, что англичане и австрийцы *обязаны успехом своего оружия содействию русских войск*, и так как он всегда высоко почитал храбрость и искренно желал выказать свое уважение доблестным войскам, он поспешил предложить английским и австрийским комиссарам по обмену военнопленных — включить в этот обмен русских, находящихся во Франции, с тем, чтобы эти пленные могли даже воспользоваться некоторыми преимуществами ввиду того, что будучи менее акклиматизированы во Франции, пребывание в этой стране могло оказаться для них вредным.

Между тем это предположение, по-видимому вполне естественное и возобновленное несколько раз, осталось без всяких последствий. Англичане, *которым хорошо известно, что только русским они обя-*

* Здесь очевидно упоминается об англо-русской экспедиции в Голландию в 1799 г., из которой существенную пользу извлекла только Англия, захватившая весь голландский флот, который остался окончательно в ее руках, так как условия конвенции его не коснулись.

заны своими первыми успехами в голландской экспедиции, ее плодами и обеспечением своего отступления (ибо без содействия русских войск ни один англичанин не вернулся бы на свои суда), — те же Англичане, имеющие в настоящее время в своем распоряжении 20 000 французских пленных, — не выразили желаний произвести обмен на русских.

Возмущенный такою несправедливостью и не желая долее удерживать в плену столь храбрые войска, покинутые и скомпрометированные недостойными союзниками, первый консул сделал распоряжение, чтобы все русские, которые находятся в плену во Франции, в числе около 7000 человек, возвращены были в Россию, без обмена и со всеми военными почестями. С этою целью *они будут заново обмундированы, вооружены и получают обратно свои знамена.*

Его величество император всероссийский потребует от Англии, если он признает это нужным, возвращения на родину соответствующего числа французских пленных, находящихся в Англии, — но намерение первого консула заключается лишь в том, чтобы выказать свое особенное уважение к русской армии и свое желание сделать что-нибудь приятное его величеству императору всероссийскому.

Необходимо будет только, чтобы ваше сиятельство поставили меня в известность о пути, который его величеству угодно будет избрать при возвращении русских войск в его империю и я прошу вас, милостивый государь, доставить мне этот ответ своевременно, с тем, чтобы войска его императорского величества могли выступить в путь до наступления осеннего времени.

*Примите и проч. (Подписал) Карл-Маврикий Талейран.
Париж, 1-го термидора IX года республики»)*

Письмо это было отправлено французскому посланнику в Гамбурге, Бургоэну, для передачи нашему представителю в этом городе — Муравьеву. Последний был в большом смущении и не знал, что делать. Строгий приказ государя не входить ни в какие переговоры с французским правительством — лишал его возможности принять письмо; но ознакомившись с его содержанием, он понял его важное значение и решил донести обо всем происшедшем в Петербург. Таким образом император был осведомлен о намерениях Бонапарта и, быть может, принял бы какое-нибудь решение, но первый консул не остановился перед отказом Муравьева и отправил новое письмо к Павлу I.

В этом новом послании чувствуется гениальный ум дипломата, строго взвесившего все шансы и изучившего психологию русского императора. В письме этом Бонапарт обращается к Павлу, как к гроссмейстеру Мальтийского ордена. Он предлагает уступить России безвозмездно Мальту и перевезти освобожденных русских пленных для оккупации и защиты этого острова, который, в течение продолжительного времени,

Англия держала в блокаде. Французский гарнизон крепости, истощив почти все запасы, не был бы в состоянии долго продержаться; занятие же Мальты русскими обострило бы отношения Англии к России, что, конечно, входило в расчеты Бонапарта.

На этот раз, не желая передавать письма дипломатическим путем, первый консул поручил Талейрану доверить обе ноты (о военнопленных и об острове Мальте) русскому майору Сергееву, находившемуся в числе пленных, который и должен был доставить их графу Панину.

Предложение первого консула произвело в Петербурге чрезвычайно сильное впечатление. Павел I как будто сразу забыл свое враждебное отношение к Франции и резко переменял его на симпатии к Бонапарту, который в глазах гроссмейстера Мальтийского ордена явился истинным рыцарем. Сразу последовали крупные перемены в политике, выразившиеся прежде всего в явном охлаждении к союзным державам и особенно к Англии.

Занятие Мальты русскими войсками, по многим причинам, не могло осуществиться, но для принятия пленных немедленно же отправлен в Париж генерал Спренгтпортен. Последний заслуживает того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее. Спренгтпортен был типичный авантюрист того времени, один из тех иностранцев, которые ловким предложением услуг умели получить благоволение и даже влияние при русском дворе. Шведский выходец, служивший ранее королю Густаву, но затем озлобленный тем, что его заслуги недостаточно оценены, он начинает интриговать против Швеции и, поселившись в Финляндии, проповедует идеи финского сепаратизма. В то же время он входит в сношения с русским правительством, которое сначала не обращает внимания на его искательства, но затем пользуется его услугами. Впоследствии «финский патриот» — Спренгтпортен, командуя уже отрядом русских войск, спокойно отдает приказ стрелять в финских стрелков Саволакской бригады, которые ранее находились под его начальством и носили его на руках, как своего популярного генерала.

Мнения о Спренгтпортене вообще значительно расходятся. Некоторые финские писатели возносят его до небес как деятеля, способствовавшего укреплению финляндской автономии. Иные из русских писателей считают его службу русскому правительству крайне полезной, другие, напротив, усматривают в ней один вред, так как Спренгтпортен, по их мнению, препятствовал своими проектами и интригами прямому завоеванию Россией Финляндии, занявшей с того времени исключительное положение, не соответствующее идее целостности империи.

Не входя в рассмотрение этих мнений, зависящих от взглядов авторов на цели и задачи того или другого государственного строя, мы должны признать, что, как личность, барон Спренгтпортен рисуется нам в очень непривлекательном свете. Его вечные домогательства денежных субсидий у того или другого правительства, его постоянные интриги

и назойливое вмешательство в дела, не имевшие к нему ни малейшего отношения, — значительно обесценивают его положительные качества.

Мы позволили себе здесь эту вводную характеристику лишь потому, что недостатки Спренгтпортена ярко обнаружились при его поездке в Париж по делу о выдаче русских пленных.

Спренгтпортен приехал в столицу Франции ранее Колычева (назначенного для возобновления дипломатических переговоров с первым консулом), и вместо того, чтобы ограничиться порученным ему делом о военнопленных, он с изумительным легкомыслием и настойчивостью стал вмешиваться в дела политики. Французы приняли его, по-видимому, за настоящего русского посла, называли «*ambassadeur de Russie*» и генерал, не стесняясь, принимал не принадлежащий ему титул. Он начал играть роль, задавал балы, приглашая на них цвет французского общества. Рапорты его к императору Павлу сначала деловые и строго почтительные, делались со временем все легкомысленнее, игривее, указывая на явное желание руководить взглядами императора на политику. Отчет об одном бале снабжен газетной вырезкой с описанием торжества и лирическим изображением прелестнейших женщин и блестящих нарядов.

Такая фривольность была не в духе Павла I, но Спренгтпортен пошел еще далее. Он стал посылать в Петербург зашифрованные депеши политического содержания, например, о том беспокойном ожидании, которое наблюдается в Париже по поводу предполагаемого ультиматума императора Павла на ноту Талейрана, касающуюся мира Франции с Австрией. В конце этой депеши Спренгтпортен опять впадает в игривый тон, бранит англичан, заверяет Императора в симпатиях к нему французов и прилагает куплеты, петье в парижской италийанской опере на представлении пьесы «Петр Первый» и вызвавшие шумные рукоплескания*.

Надо вспомнить характер императора Павла, чтобы понять, как отнесся он к таким донесениям, носящим оттенок бестактной фамильярности. Павел I вышел из терпения и перестал, как ранее, лично отвечать Спренгтпортену. Зато генерал получил, уже через министра

* Couplet chanté par M-me Créty dans «*Pierre le Grand*, opéra».

Des bords glacés de la Néva
Jusqu'aux rives de la Seine
Si la discorde s'élève
Et des traitiés rompt la chaine
L'avenir promet d'être heureux
Et les destins vont à la France
Avec un peuple généreux
Prendre son antique alliance.
Ciel entend la prière
Qu'ici je fais!
Daigne à l'Enrope entière
Donner la paix!

иностранных дел, категорическое выражение высочайшей воли: «Его императорское величество по прочтении письма вашего высокопревосходительства от 24-го января 1801 г., повелел отвечать вам, чтобы вы ничем другим, кроме выдачи пленных, не занимались и затем немедленно возвратились, как только поручение будет исполнено».

Спренгтпортен понял, что дальнейшие его попытки вмешиваться в политику вызовут уже настоящие громы в Петербурге и быстро сократил свою страсть к авантюрам.

30-го вентоза IX года (9-го марта 1801 г.) между Спренгтпортенем и генералом Кларком* заключена конвенция, в которой говорилось, что французское правительство возвращает русскому императору его войска, без всяких условий, как знак уважения первого консула к его особе (*dans le dessin de donner à Sa Majesté un gage de l'estime et de la considération du Premier Consul pour Sa personne*). Все русские офицеры и солдаты, находившиеся до этого времени в городах: Lille, Cambray, Bouchain, Avesne, Landrecy, Le Quesnoy, Nordlibre — были сосредоточены в Намюре, откуда отдельными эшелонами направлены в Кельн, причем расходы по передвижению этих войск до названного города французское правительство приняло на свой счет. Согласно этой конвенции**, русские войска должны были выступить из Кельна, после их сосредоточения в этом городе, в течение трех дней. Всего возвращено русских войск 6732 чел., из коих 154 штаб- и обер-офицера, в том числе раненых 2076. Из этого числа трудно больных оставалось в госпиталях — 196 человек (187 нижних чинов и 9 офицеров).

Произведя собранным в Намюре русским войскам инспекторский смотр и поручив общее над ними начальство генерал-майору Маркову, Спренгтпортен отправил вступившему уже на престол императору Александру подробный отчет о своих действиях через князя Долгорукова***, игравшего впоследствии столь значительную роль в первые годы царствования Александра. Это был ловкий маневр опытного царедворца, желавшего заслужить благоволение Александра, поручив свое первое донесение любимцу нового императора.

* Впоследствии военный министр и герцог Фельтрский.

** *Convention entre le citoyen Clarke, général de division des armées de la République Française et Directeur du Dépôt de la guerre, chargé de remettre les troupes russes présentement en France à l'Envoyé de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, et M-r le baron de Sprengtporten, général d'Infanterie des armées de Ladite Majesté Imperiale etc. (Archives des Aff. Etrangères).*

*** Кн. Михаил Петрович Долгорукий, впоследствии ген.-адъютант. Род. 1780 †1808, убит в сражении при Индесальми.